

12 Неделя - 1988
22-28 авг.

«НЕДЕЛЯ»

ИСТОРИЧЕСКИЙ КЛУБ

«Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем».

Эти известные слова Белинского часто вспоминаются сегодня, когда после долгих лет немоты мы открываем многие страницы истории, и ее прежние герои видятся нам в несколько ином свете. Но кто же поведает о том далеком времени — без прикрас, без лишних обобщений — правду и ничего кроме правды?

К счастью, такие люди еще есть. Мы встретились со старшей актрисой МХАТ Софьей Станиславовной Пилявской. Трудно поверить, что эта энергичная и красивая женщина, полная достоинства, видела Ленина, помнит Москву периода злата, что ее учителями были Станиславский и Немирович-Данченко и с ней дружила Ольга Леонардовна Книппер-Чехова.

— Я родилась в Красноярске, куда моего отца, полка-петербуржца, члена партии с 1903 года, сослали на вечное поселение, — рассказывает Софья Станиславовна. — Было мне лет пять, когда у нас в доме появилась молодая красивая женщина Елена Смиттен, также высланная за революционную деятельность. Вскоре мои родители развелись. Незадолго до Февральской революции в Петроград уехал нелегально мой отец, а с ним и Елена. К концу лета добрались до Питера и мы с мамой. Квартиру в конце Каменноостровского проспекта снял для нас отец. Моя мать, узнав, что Лена тяжело больна, беременна, лишена элементарного ухода, приказала привезти ее к нам, и отец подчинился: Смиттен жила с нами до середины марта, мама поставила ее на ноги.

Итак, несколько эпизодов из того, что вспомнилось...

В КРЕМЛЕ

В марте 1918 года из Петрограда в Москву переезжают правительство и семьи ответственных работников. Отца с семьей поселили в Кремле — в кельях Чудова монастыря, мы устроились рядом в гостинице «Метрополь». Весной отец повел нас в Кремль, в Чудов монастырь, в гости к Елене Густавовне и маленькой Наташе.

Кремль 1919-го был не похож на нынешний, оставалось еще много следов от боев 1917 года. В ту далекую пору порядки в Кремле были нестрогие, в нем сочеталось, казалось бы, несовместимое: старые дворцовые лакеи, молящиеся в башнях-часовнях старухи, латышские стрелки и кремлевские курсанты.

В Офицерском корпусе на первом этаже была совнаркомовская столовая. Обедали так: съедали суп, а второе блюдо обычно укладывали в плоскую тару, чтобы отнести домой. Сухим пайком выдавали ужин: половину батона из серой муки и кусок сыра или колбасы. На втором этаже этого здания были квартиры. Жили там Енукидзе, Стучка, Крестинские, Сольц, Бонч-Бруевич. У всех, кроме Енукидзе и Сольца, были семьи. В здании Потешного дворца жили Луначарские, Цюрупа, Сталины и Ворошиловы.

В феврале 1922 года папа мне сказал, что весной он уедет ненадолго в Италию, на Генуэзскую конференцию. Подготовительная работа велась под непосредственным руководством Ленина. Отец завез в секретариат делегации. Он рассказывал, что перед поездкой все члены делегации были разбиты на десятки, каждой из которых руководили те, кто знал правила протокола. С одной из таких десятков занимался мой отец. Многие молодые работников Наркоминдела приходилось учить азам этикета: как вести себя за столом, что и когда надевать, объяснять, что к фракку не идет рубашка в горошек и т. д.

Годы работы отца в Наркоминделе, наверно, были для него самыми значительными. Был еще жив Ленин. Работа связывала отца с такими выдающимися деятелями, как Дзержинский, Чичерин, Красин, Воровский, Литвинов, Цюрупа, Рудзутак. Не говоря уже о друзьях по ссылке — Енукидзе и Крестинском. Всех этих людей Луначарский называл «маршалами Ильича».

«ВРАГИ»

Летом 1935 года на первых страницах газет появилось набранное крупными буквами сообщение, ошеломившее меня и многих. Было написано, что у Енукидзе «зверинное» лицо, что он враг народа, вкравшийся в доверие... Когда я пришла в театр, то заметила на лицах многих недоумение, растерянность и печаль. Ведь Абель Сафронович столько делал добра для МХАТ и его актеров: жилье, путевки, выезды «стариков» за границу для лечения и многое другое. Но обсуждать или, не дай бог, осуждать газетное сообщение не решались.

Мы с актрисой Вероникой Полонской решили позвонить Авелю Сафроновичу.

Пошли на Арбатскую площадь к автомату. Я знала коммутатор Кремля и номер телефона квартиры. Последовала пауза, и потом голос сообщил: «Даю». В трубке раздалось — «У телефона». Это был Енукидзе. Я назвалась уменьшительным именем — Зося, сказала, что около меня Нора и что мы не могли не позвонить. В ответ последовало: «Девочка моя дорогая, никогда больше не звони». Нас развели. Потом были только слухи, один тоскливее и страшнее другого. Но это было только начало.

10 сентября 1937 года, в пятницу, отец позвонил мне вечером и чуть смущенно сообщил, что ему назначена примерка нового костюма — первого после 1917 года, и что он просит поехать с ним. Договорились созвониться в понедельник. В назначенный день звонка не последовало. Утром во вторник я поехала в «дом на набережной», на квартиру отца. Елена Густавовна рассказала, что отец с рабо-

все. Только в середине 50-х годов, когда из тюрем и лагерей стали возвращаться уцелевшие, я узнала, что стояло за этими словами.

Однажды ко мне пришел человек, которого я знала с юности. Он рассказал, что мой отец содержался там же, где и он — в подмосковной Сухановской тюрьме, одной из самых страшных. Их везли туда десять суток, кружа по кольцевой окружной дороге, чтобы создать впечатление дальнего пути в Сибирь. «Тюремный телеграф самый точный, — сказал он. — Мы узнали, что 24 декабря 1939 года С. С. Пилявский был расстрелян».

Елена Густавовна умерла от заражения крови и истощения в конце 1941 года. Знаю это наверняка, так как чудом получила открытку от «соседки» Лены по нарам. Моя сестра и брат ушли на фронт в первые дни войны и не вернулись.

ВРЕМЯ И ЛЮДИ

За несколько дней до гибели Киров был со Сталиным в мхатовской ложе. Убийство Кирова сейчас видится нам страшным, но точно выверенным ходом, рассчитанным на то, чтобы сковать страну страхом и подозрительностью. А тог-

ВОПРОШАЯ ПРОШЕДШЕЕ...

● Слева направо: М. Литвинов, В. Воровский, С. Пилявский, Л. Красин на Генуэзской конференции. 1922 год.

ты не вернулся, потом пришли люди и произвели обыск. Немного придя в себя, я пошла к автомату (телефон в квартире был отключен) звонить маме. Подошел брат. Он был уже уволен с работы.

Когда Станиславовна сообщила о моих «обстоятельствах», он отказался визировать мое заявление об уходе, порвал его. По возвращении с лечения Немирович-Данченко дал понять, что солидарен в этом вопросе с Константином Сергеевичем. Они всегда поступали так, как считали нужным, и никто не смел спорить с ними. Авторитет основателей театра был очень высок, и МХАТ всегда находился на особом положении...

После этих событий отношение в театре ко мне было разным. Многие избегали, кто-то существовал открыто — таких было мало, кто-то только взглядом, кивком — наспех. Я не осуждала, хоть и было тяжело. Стали мы жить замкнуто, у друзей перестали бывать, чтобы, не дай бог, никого не подвести.

Наташу исключили из комсомола, в классе от нее отвернулись. Елена Густавовна ходила в какие-то справочные, я тоже тыкалась в разные двери — безрезультатно. Пыталась пробиться на прием к председателю Военной коллегии Верховного Суда СССР Ульриху, который был всегда раньше любезен со мной, Шейнину — он в свое время был у отца в порученцах, а теперь занимал пост следователя по особо важным делам. Я уж не говорю о прокуроре СССР Вышинском. Никто из них меня к себе не допустил.

В январе 1938 года пришли за Еленой Смиттен. Предварительно обыскав, приказали освободить квартиру в трехдневный срок. Наташа поселилась у моей мамы.

В начале зимы 1939 года была получена открытка от Елены Смиттен из тюремного лагеря под Карагандой. Никаких сведений о судьбе отца по-прежнему не было. 10 лет без права переписки и —

да все клеймили злодеев и террористов, посмеившись поднять руку на Сергея Мироновича.

Перед выходом на сцену актеров тщательно обыскивали, во время спектакля за кулисами по 30—40 охранников буквально дышали нам в спины. Это воспринималось нормально: ведь только что убили Кирова, значит, надо охранять вождей. Сталин до войны часто ходил во МХАТ, особенно любил «Дни Турбиных». Бывал на «Горячем сердце», «Кремлевских курантах», где его играл Геловани.

После ареста отца в НКВД не раз вызывали моего мужа, актера МХАТ Николая Дорохина, и требовали развестись с «дочерью врага народа». Как-то, уже во время войны, его продержали целый день в отделении НКВД, сначала уговаривая, а потом приказывая стать осведомителем в театре. Перед тем, как отправиться туда, он мне сказал: «Если я не вернусь, иди сразу к Саше», имея в виду Фадеева. Вечером его выпустили. Когда он отказался стать доносчиком, его не били — на него орали, топтали ногами, стучали кулаками. Наконец, они поняли, что толку от него не будет, выругали матерно и отпустили. Но ведь кто-то и ломался...

В 1940 году мой муж получил Сталинскую премию. Будучи театральным актером, он снялся в нескольких фильмах: «Последняя ночь» Райзмана, «Волочаевские дни» братьев Васильевых, «Ошибка инженера Кочина», где он был партнером Любови Орловой. Председателем комитета по Сталинским премиям был тогда Немирович-Данченко. Вручая мужу медаль и диплом, он шепнул: «Помните, что театр — это жена, а кинематограф — любовница». После этой награды мне за мужа стало спокойнее.

Для меня странность логики этого времени заключалась в том, что ведь и я получила Сталинскую премию! Как принималось это решение, мне в шестидесятых

годах рассказал один из приближенных Молотова. В 1950 году Сталин просматривал фильм «Заговор обреченных» режиссера Калатозова, где я играла с Вертинским и Штраухом. Этот политический детектив тогда имел успех. Сталин смотрел, смотрел и вдруг спросил: «А кто играет Христину?» Поскребышев сообщил: «Это дочь врага народа Пилявского, товарищ Сталин». Наступила пауза. Потом вождь приказал: «Дайте премию, только не первой степени». Так я получила Сталинскую премию 2-й степени.

...О гибели отца мне рассказал товарищ моего брата Викентий Катаньян, сын известного прокурора. Судьба этой семьи одновременно страшна и типична. В середине тридцатых Викентия, его молодую жену, мать и отца взяли в одну ночь. Жена погибла, мать попала в сумасшедший дом, а они с отцом дожили до освобождения. В 1955 году наши актеры возвращались с гастролей и вдруг в од-

ном из купе кто-то увидел старого человека в страшной полосатой робе с номерами. Все уговаривали его переодеться, но он сказал: «Нет, так везите в ЦК». Так прокурор Катаньян — это был он — и поступил. Но через несколько месяцев после возвращения Катаньян-старший умер — сердце не выдержало.

ПОХИЩЕНИЕ

Декабрь 1941 года. МХАТ в Саратове. Мой муж, а также Б. Ливанов и Б. Петкер отправились за чем-то на станцию Саратов-2. На дальних путях выгружали заключенных из теплушек, охрана — два красноармейца. И вдруг в этой толпе наши узнали драматурга Николая Эрзмана и поэта Михаила Вольпина, арестованных еще в тридцатых. Они были в лохмотьях, Эрзман сильно хромал, Миша его поддерживал. Муж и два Бориса как-то совершенно неспешным образом сумели увести их в гостиницу «Европа», где мы тогда жили. У Эрзмана на ноге оказалось сильное нагноение. Пока мы кормили неожиданных гостей, Ливанов, Дорохин и Петкер пошли к Москвину, рассказали ему всю правду. Иван Михайлович не испугался, не рассердился, а тут же решил отправиться к командующему саратовскими военными соединениями.

Через некоторое время — нам показало, прошла целая вечность — Москвин вернулся на военной машине, передал мужу какую-то бумагу и сказал: «Везите Эрзмана в госпиталь и вместе с ним сразу же обратно». Как Иван Михайлович добился этого чуда, он не рассказал, зато распорядился готовить грандиозный концерт: «Все, что только можно». К вечеру привезли Эрзмана из госпиталю, где ему очистили рану, сделали перевязку, дали костыли. Решено было так: Вольпин забирает к себе художник Дмитриев, Эрзман останется у нас, спать будет в зале с Ливановым.

В новогоднюю ночь вся «Европа» набилась к нам в номер. В разгар праздника в дверь постучали. Вошел военный и громко спросил: «Эрзман и Вольпин здесь?» Наступила мертвая тишина. Увидев наши лица, военный поспешил успокоить: «Да вы не пугайтесь, их приглашает ансамбль НКВД как авторов. Я приехал за ними»...

Мы еще только начинаем постигать эту эпоху, такую противоречивую для тех, кто вглядывается в нее из 80-х, кто до недавнего времени имел о ней представление разве что по фильмам «Волга-Волга» и «Светлый путь». Кое-кто пытается отмахнуться от правды сегодняшних дней. Крах иллюзий — это действительно нелегко пережить. Но с другой стороны, представим хотя бы на миг, как жили все эти долгие годы те люди, кто прошел через репрессии и поспешное оправдание, кто нес в себе тяжкий груз воспоминаний, которыми невозможно было поделиться.

Зачем ворошить прошлое? Да затем же, что и сто, и двести, и триста лет назад. «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем».

Записала

Наталья ПАРЯТНИКОВА.